

Анна Кравцова

В изумрудно-
рыжем городе

Н...

Анна Кравцова
В изумрудно-рыжем городе N...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331994

ISBN 9785449095794

Аннотация

Сборник стихов, не претендующих на гениальность, но честных и настоящих. О любви и ненависти, детстве и материнстве, о правде и лжи...

В изумрудно- рыжем городе N...

Анна Кравцова

© Анна Кравцова, 2018

ISBN 978-5-4490-9579-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты не дай себе выгореть.

Тлей.

Пусть не ярко, только гори.

Среди сотен безумных дней

Будут и светлые дни.

Ты не дай себе гаснуть.

Свети.

Помни, что ты – маяк.

Есть люди вокруг – твои корабли.

Им без тебя никак.

Ты не дай себе опустеть.

Наполняйся.

Дыши, смотри, просто живи.

Смейся, твори, улыбайся,

Делай счастливыми дни.

Ты не дай себе ослабеть.
Стой.
Если больно и нужно терпеть,
Просто немного громче пой,
Песней на боль ответь.
Помни, есть те, кому без тебя
Сложно, совсем никак.

Собирай лето. В карманы.
Молчи.
Слова укладывай в чемоданы.
Бери ключи.
Уезжай. Куда – неважно.
Дыши.
Это – единственно важно.
Для души.
Для тела – солнце и море.
Чай.
Просто такое время.
Встречай.
Редко – к зеркалу. Улыбаясь,
Набегу поправляю прическу.
К морю. Там, на волнах катаюсь —
Ветер – лучшая в мире расческа.
Часто – мысли. Свежие, чистые.
Иногда – о «высоком». Но чаще:
«Как же мне хорошо. С близкими.

Потому что они – настоящие».
Редко – грусть. Иногда с оттенками.
Полутон: «Скоро все закончится...»
Чаще – счастье. Еще – уверенность:
Ты – мечтай. И тогда всё исполнится.

Вот средство от одиночества —
Быть с кем-то рядом. Вместе.
Шутя, звать по имени-отчеству,
Валять дурака и возиться в тесте.
Забыть про диеты, замеры...
Съесть булочку. С молоком.
Потом смеяться. Без меры.
На велике – с ветерком.
А после – просто. Смотреть.
Как вечер уходит в ночь.
А можно тихонько петь,
Мечтая, что будет дочь.
А может не дочь, а сын...
А может – просто мечты,
И ночь... в тишине квартир
Вновь перейти на «ты»...
Вот средство от одиночества.
Быть с кем-то рядом. Вместе.
И видеть счастья пророчество
В порой незаметном жесте.

Правда... какая она? Иногда —
Легка и приятна на вкус.
Но, чаще, по мнению знатока,
Приврать так велик искус!
А есть правдолюбцы.
Один сказал: «Я Правду сам найду!
Я верю, прекрасна она. Всегда.
Её вам с собой приведу».
Отправился в путь.
Искал он не год. И даже не два искал.
И время так быстро неслось вперед,
В дорогах он очень устал,
Пришел. Край света. Землянка.
А в ней – старуха, древнее – нет.
И путнику без разговоров, с порога,
Старуха дает ответ:
«Пришел? Увидел? Ступай назад.
С тобой нам не по пути.
Стара я, чтобы идти туда,
Куда мне не нужно идти.
Странные люди... Зачем вам Правда?
У вас же «ложь во спасение»,
А с ней – спокойнее и надежней,
И в унисон с общественным мнением.
Иди...“ – „А что мне миру сказать?
Как подобрать слова?
Как доказать, что видел тебя,

Что у тебя бывал?»

– Скажи, что Правда пока жива,

А значит – есть перспективы.»

И, усмехнувшись, сказала она:

«Поведай, что я молода и красива».

Не путай личное с публичным.

Что не покажут, не проси.

Публичное – не будет личным

Табличка «Заперто» висит.

«Встречают по одежке» – глупость,

Ты глубже, в сердце посмотри.

Хотя... бывает и на сердце

Табличка «Заперто» висит.

Но если хочешь достучаться —

Стучи, настойчивее будь.

Себя послушай. Вдруг подскажет

Душа к двери закрытой путь.

А если впустят – в душу, в сердце,

Будь осторожен, хрупки стены

У дома – сердца, где качают

Любовь и нежность трубы-вены.

Войдя, ты осмотришь, послушай,

Узная, что в душе твориться.

Стук сердца – нет ведь звука лучше...

Ему нельзя остановиться.

Ему нельзя заколотиться

Да так, что выскочит из горла,
Ему необходимо биться,
И даже вопреки... упорно.
А если вдруг тебе наскучит,
Будь честен, выйди вон из сердца.
Следов не оставляя грязных,
И поплотней захлопнув дверцу.

Стучался дождь в закрытые окна и дверь.
Просился в дом, слезы роняя. Как раненый зверь.
Хотелось впустить. Разрешить отогреться. Войти.
Дверь распахнула – лишь ветер с дождем. Думала – ты...

Голос – разутый, такой... нагой
Стынет на ветру. Холодно.
Сердце – босое. Ему бы домой,
Только в груди одиноко и голодно.
Вывернута душа, как карман,
Сыпятся слезы – монетки.
Артерии – нити к рукам и ногам —
Атрибуты марионетки.
Сны и мечты – лишь прах под ногами.
Развеет их ветер. Слышишь вой?
А где – то гуляют надежды. Не с нами.
Сердце – босое. Ему бы домой.

На шее – бусы из бед.
Душат.
А у тебя – список побед.
Голову кружит.
Ты – странный. Не видишь.
Кроме себя
Вокруг – никого.
Обидишь, даже меня...
И – ничего.
Если всмотрюсь – прямо в зрачки,
Там – мрак...
Тихо скажу: «К черту иди,
Дурак».
Улыбка... способна разбить
Тысячу скал.
Или... быть может, это —
Волчий оскал?
Любишь к себе прижимать.
Голову кружит.
Только на шее – бусы из бед.
Душат.

Как научиться быть благодарным?
Сбить недовольство и спесь?

Как перестать утверждать: «Я – бездарный!»?
Как быть не где-то, а просто... здесь?
Шире глаза, улыбку и ...душу.
Меньше – пустых обещаний и фраз.
Больше – тепла в зимнюю стужу.
Жизнь – не где-то. А – здесь и сейчас.
Капли дождя. Радуга. Солнце.
Ноги босые – в лужах.
Мысли, с весенним ветром танцуя,
В ритме вальсируя, кружат.
Гром и гроза. Непогода.
Просто – весна. Просто – быть.
Слушай себя и... природу,
Не разучившись любить.

Можно быть честнее. Немного.
В черно-белом увидеть серое.
Не идя радикальной дорогой,
Что проходит меж черным и белым.
Можно быть мудрее. Немного.
Отойти от привычных решений.
Проложить иную дорогу
Средь неважных общественных мнений.
Можно быть счастливей. Немного.
Не искать особых событий.
Лишь идти своею дорогой,
Распахнувшись. Для лучших открытий.

Страсти рецепт? Это просто:
Углей пылающих тонна,
Чутьочку соли и перца,
Жгучего. Что поострее.
Можно, конечно, добавить
Минут, что врезаются в память.
Много и разного секса,
Вкусного утречком кекса,
С кофе. В постель. Идеально...
Только насколько реально?
Страсть – это штука такая...
Вспыхнет, и, ярко пылая,
Может быть так скоротечна.
Трудно поддерживать вечно.
То, что важнее – иное.
Не полыхая в агонии,
Ровно и стойко горя,
Счастье и веру даря,
Главное пламя горит.
Согреет и не опалит.
С его рецептом – вопрос иной.
Во-первых, время – вдвоем с тобой.
Потом – ситуаций побольше разных.
Когда-то сложных,
Когда-то прекрасных.
Доверие, нежность и мелкие ссоры.

Туда же – за чаем ночным разговоры.
Молчание. Когда говорить и не нужно.
Когда-то в ссоре.
Когда-то дружно.
Лицо, что изучено до мелочей.
Радость от долгих и близких ночей.
Этот рецепт не очень-то прост.
Но оттого на него больший спрос.
Если освоить его удастся,
Получишь то, что не продается.

Где-то на дальней полке,
Там, где все в беспорядке,
Зайчиком солнечным —
Детство. И шепчет мне:
«Все в порядке.»
Там, где босые пятки
По лужам несутся вскачь,
Детство шепнет несмело:
«Больно? Но ты не плачь.»
Там, где ладошка сжимает
Ручку. И водит в прописи.
Детство глядит. И знает
Не вечно будет «по совести».
Там, за закрытой дверью,
Хо́да в которую нет...
Тихо дремало детство,

Зная на все ответ.

Дождь закончится. Будет ясно.
Ветви ив заплетутся в косы.
Станет мир умытый – прекрасным.
Воздух чист и дышать им просто.
Зазвенит весна, зазеленеет,
Обновиться мир, и может быть,
Ветер новой надежды повеет,
И поэтому – хочется жить.

Прозрачные дымные пряди,
И матушки песнь до зари
На сердце оставили пяди,
Пропахшей туманом земли.
Уехал. Вот город – огромный,
С его суетой и простором,
Но снится старик безбородый,
В глазах – лишь тоска, без укора.
Уехал. Возможностей – море,
Все «как у людей» – дом, квартира,
Блага и достоинства в сборе,
Но как же достала рутина!
Вот – офис, прилизан и гладок.
В нем – кофе, компьютер... работа.
Вот – жизнь... вроде без неполадок,
А что ж... удавиться охота?

А может быть просто... возраст?
Ну, в смысле – в земле покопаться?
Иль городская дремота?
Затянет. И не оторваться.
Иль это она? Ностальгия?
По детству босому? По полю?
Ведь там – на свободе стихии
Ты сам выбирал свою долю.
Да нет... ну подумай! Все ладно.
Успешен, костюм, вон, и галстук.
Но все же... как хочется к маме.
Увидеть, обнять и прижаться.

Когда уйду, хочу остаться.
В голосах.
Голосам своих детей достаться
И жить на устах.
Когда не станет, меня, не скоро...
Когда-нибудь.
Когда-нибудь скажу я – только
Не позабудь.
Останусь в смехе. Который
Будет звенеть.
Такие вехи. И нужно
Много успеть.
Уйти – не бойся. Не властны.
Над временем.

Но не живи угрюмо —
Под бременем.
Больше любви. Объятий.
И нежности.
Меньше – пустого. Тоски.
Неизбежности.
Когда уйду, хочу остаться.
В голосах.
Голосам своих детей достаться.
И раствориться... В чьих-то мечтах.

Брожу по паркам, улицам и скверам,
Вдыхая разноцветный воздух мая,
А он кружится ласково, несмело,
О детства дымке мне напоминая.
Напоминая, как в весеннем небе
Летел воздушный змей в ворота рая,
Как папа, в шляпе из смешного фетра,
Нарвал цветов, чтоб подарить их маме.
И мама, рассмеявшись звонко-звонко,
Казалась мне тогда совсем не мамой,
А молодой, смешливой девчонкой
В нелепой с колокольчиком панаме.
И было много зим, и много весен,
Года летят, сплетаясь в жизни древо,
Но в памяти весна... весна из детства,
Слышны её душевные напевы.

Позже... много лет наперед...
Ты понимаешь сам,
Что было важно – наоборот —
Расстройство по пустякам.
Хочу, коснувшись, сказать тебе:
«Ты слышишь, я рядом, мам.
Годы дарят тебе седину
И мудрый покой – глазам.
И будет день, когда можно
Просто. Быть рядом. Быть.
Видеть и слышать твой голос
И просто – тебя любить.
Будут дни – на двоих, когда,
Ты – мама, а я – просто дочь,
Ты только не спеши... туда,
Где я не смогу помочь.»

Все смешалось. Странно? Ничуть.
Правда – лишь Ложь в смехотворных одеждах.
По капле, по ложке, по чуть-чуть
Она уничтожит в тебе Надежду.
И та, уступая чужой «правоте»,
Отступит. Уйдет в рассвет.
После бессонной ночи. Одна.

Беззащитна в своей наготе.
А ты останешься. В поединке.
Сначала будешь бороться.
Потом торговаться, будто на рынке...
О Ложь боясь уколоться.
Но, словно двуликий Янус, она
Повернется другим лицом:
«Смотри, я – Правда. Поверь в меня.
Так проще. И дело с концом».
Спокойствие – вот великое благо...
И за него отдашь... душу.
А Лжи большего и не надо...
И лживый оркестр играет туш.
Лишь где-то, в рассветных полях
Цвета кофе, где тихо и дует ветер,
Бродит Надежда... иль её прах,
Надеясь кого-то встретить.

Загорели на солнце камни,
Словно печенья к чаю.
Лето, как музыка в стиле «кантри» —
Несется в ритме отчаянном.
Море – платье синего цвета,
Идет Земле удивительно!
Там, где в воздухе краски лета,
Дышится так упоительно... И мы загорим на солнце —
Словно печенья к чаю.

Будет что вспомнить. Зимой.
Когда: «Лето, я так скучаю.»

Родился. Маленький, сморщенный.
И вдруг! Неожиданно, он – поэт.
И, знаешь, такой, не доморощенный.
Ты ему мыла попу, а он пишет сонет!
А ты мечтала – будет стипендиатом,
Или, на худой конец, медалистом.
А он с гитарой и бородатый,
Бродит по миру свободным артистом.
Так виделось – пышная свадьба и внуки,
Еще чтобы дом – полная чаша.
А он бы умер тогда. От скуки.
Вкус у которой – прогорклая каша.
Нет. Не гремит известностью.
И нет гастролей по круглому миру.
Смирившись с такой неизбежностью,
Не грезит стать вскоре чьим-то кумиром.
Он пишет тебе. Про тебя и себя.
Сплетаются строки в сонет.
Читая, смеешься, его любя,
Ответишь: «Ты – мой любимый поэт».

Разучившись мечтать и зевая,

Пересев из трамвая в авто,
Едет взрослая жизнь. Напевая.
В меховом серебристом манто.
Утро. Солнечно. Офис и кофе.
Темп фиксирует фитнес-браслет.
Расслабляться – сродни катастрофе.
На мечты тоже времени нет.
Отыскать бы одну лишь минуту,
И взглянуть на звезды и небо.
Вдруг увидеть другими глазами
Те миры, где ты еще не был.
А где-то там, на другой планете,
Среди сотен и тысяч лиц,
Со своими мечтами о лете
Едет в трамвае Маленький Принц.

Сплестись. Не выпутаться. Лежать обнявшись,
Перетекая под кожу. Как ртуть.
Забуть о времени, в часах потерявшись.
Побыть еще немного ртутью. И уснуть.
Проснуться в сонной бессмыслице утренней,
Надеясь на тела тепло и кофе в постель.
Услышать только – звонят к заутрене.
И в трубах остывших воеет метель.

Я тебя еще школьником выдумал —
Чуть смешную, с косой и бантиком.
Вопреки «женишку» обидному,
Все выменивал для тебя фантики...
А теперь вот планы на вечность.
За ночь скомкать белье, спутать волосы.
Разрешая себе беспечность,
Красить жизнь в наши, общие полосы.

Так любил ее, сероглазую,
До трясущихся рук.
Так любил, что в себе отказывал.
И все ждал – вдруг?
Все смотрел на нее, далекую,
И только мечтал.
Насмотреться не мог никак,
И вдруг, устал.
А она, не твоя по глупости,
Жизнь жила.
И лицу ее светлому, юному
Радость шла.
Так любил ее, сероглазую,
До трясущихся рук.
Так любил, что растратил себя
На случайное «вдруг».

Знаешь, это такой элемент
Геосистемы Земли —
Ноги, сплетенные в целое.
Если бы их расплести смогли,
Все бы нарушилось у Земли
И там, за ее пределами...

За стеклами солнцезащитных очков —
Вечное лето.
Шорох зеленой листвы, парад светлячков,
И с позолотой рассветы.
Поезд уходит в закатную даль.
Море. И теплый вечер.
Неба темнеет горизонталь,
Ночь обнимает за плечи.
Нет перерыва на осень и зиму
Там, в глубине бесконечной зрачков.
Вечное лето с хриплым винилом, там
За стеклами солнцезащитных очков.

Как ты думаешь, это важно —
Не доверять смс, письма писать бумажные?
Держаться так крепко за руки,
Что не разжимать их во сне,
Перетекая друг в друга из вне?
Как думаешь, разве так можно?

Дышать тихо и так осторожно,
Чтобы услышать даже во сне,
Как мысли встречаются в точке,
Там, где губы у самой мочки...
Знаешь, это так просто,
Как ночью смотреть на звезды,
Думая – где-то там, в вышине
Наши мечты, держась за руки,
Спят на похожей на сыр Луне.

В каждом любителе путешествий
Живет вековой кочевник.
Такой. Повидавший нашествия.
Такой. Иногда отшельник.
Ему подавай дороги.
Ему подавай поезда.
Пусть будут истерты ноги,
Ему не наскучит езда.
Ему подавай самолеты,
Он шепчет: «Взлетим мы в небо!
И там, с высоты полета узнаем,
Где открываются двери в лето».
Он жаждет кругом всю Землю
Пройти, облететь, проплыть
Ему тяжело, невозможно
На месте всю жизнь прожить.
Он любит вино и закаты,

Рассветы и крепкую обувь.
Он может ругаться матом
И даже с разбега – в прорубь!
И горы, пустыни и океаны
Как воздух нужны ему.
Они – как с небес манна.
Развеют любую мглу.
Такой. С налетом лихих сумасшествий.
Такой. Иногда отшельник.
В каждом любителе путешествий
Живет вековой кочевник.

Говорят, у души на пути —
Миллионы возможных дорог.
А она не хочет расти,
Перешагивать детства порог.
Ей все нравится бегать босой
По теплу деревянного пирса
С растрепавшейся рыжей косой.
И читать. В тени старого тиса.
Она любит печенье и море.
Чуть наивна. И сразу прощает.
Только если кормить ее горем —
Как молочный резец. Выпадает.

По дороге из желтого кирпича
Ты идешь. И несешь залежалое счастье.
Пусть оно развалилось на части,
Не выбрасывать же. Сгоряча.
Ты несешь его. Ковшик -ладони.
Страшно – рассыплется то, что осталось.
Ветер вокруг тебя воет и стонет.
Груз – безразличие и усталость.
Бредешь меж сумерек и ненастья,
Веря в невидимого врача.
Он где-то там. Исцеляет счастье.
К нему – по дороге из желтого кирпича.

Им на двоих – сто сорок два...
Не много, не мало – факт.
Он все ворчит, не выбирая в слова,
Она – навсегда – любовь и такт.
И лишь когда думает,
Что на них не смотрят,
Ни дети, ни внуки, никто,
Возьмет ее тихо за руку. Спросит:
«Тебе не холодно в тонком пальто?»
А она, иногда, незаметно, как школьница,
Стрельнет ему в сердце глазами, смеясь.
И он, словно водки хлебнувши с перцем,
В любви признаётся ей, не таясь.
Чем дольше, тем проще дыхание в такт,

Все меньше нужны слова.
Не много, не мало – просто факт.
Им на двоих – сто сорок два...

По утру, нарядившись привычно,
В недовольный формат лица,
Отправляются люди обычные
В путешествие без конца.
И в метро или может трамвайчике,
А быть может в потоке машин,
Растворятся веселые мальчики
Под суровой маской мужчин.
И исчезнут девчонки смешливые
В сарафанах из славного ситца...
Без ответа оставив то, милое:
«Думаешь, это будет носиться?»

Иногда хрустит душа.
Под ребрами.
Иногда – заметена.
Сугробами.
Захлебнувшись от обид,
Молчит она.
Не обидит и не мстит.
Воспитана.

Из обломков и кусков —
В целое.
И тогда поет душа.
Смелая.

А любят совсем за другое.
Лишь иногда – вопреки.
За то что руки смыкают двое,
Гуляя вдоль белой, замерзшей реки.
И может стать особенным чем-то
Прядь на ветру или тихий смех,
Или вот... снимки из жаркого лета...
Ямки на щёчках – не как у всех.
Любовь как ситец, без шика блестящего —
За жест, заправляющий за ухо локон,
За взмах руки вслед тебе, уходящему,
Сквозь занавеску раскрытых окон.
И за привычку смотреть кино
Дома, где выключен свет.
За нежелание пить вино,
Со смехом: «Ты что? Я не пью в обед.»
Ведь любят совсем за другое.
За теплых носок чуть колючий уют,
За счастье быть... просто самим собою
И знать – есть место, где точно ждут.

А давай, мы поедem в Питер.
Будем слушать на крыше ветер.
Он расскажет. Он многое видел,
Что бывает на этом свете.
Или может быть лучше к морю?
Будем просто – лежать под солнцем.
Слушать – волны друг другу вторят.
Крики чаек в мансардном оконце.
Можно – в горы. Встречать рассветы.
Или просто – смотреть на звезды,
Под небесным куполом где-то,
Где мечтать никогда не поздно.
Хочешь, просто поедem – прямо?
По дороге, что рядом с домом.
Ведь за каждым ее поворотом —
Мир, увиденный вновь. По-иному.

Ты взлетаешь и разбиваешься,
Рассыпаясь осколками света.
И из раза в раз возрождаешься,
В волосах собирая рассветы.
Ты идешь за светом своей мечты,
По-над пропастью, через рожь,
Распуская клубок чистоты,
Собирая подолом ложь.
Распахнувшись сердцем, стоишь
На меже красоты и жестокости.

Чтобы вновь разбиться, взлетишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.